

Когда Ван Чжи только попал во дворец, ему было не больше девяти. В отличие от бедняков, он не был продан туда своей семьей, впрочем, и добровольно, чтобы обогатиться, в него не входил. Родом он был из народа Яо, населявшего провинцию Гуанси. Подавив восстание, в котором приняли участие отец с дедом Ван Чжи, Двор пленил семьи всех повстанцев. Так Ван Чжи вместе с детьми из прочих народов и попал во дворец в качестве слуги.

Сгрудившись в кучу, они ждали некоего “великого евнуха” – по слухам, самого могущественного и знаменитого человека во дворце – который должен был выбрать среди них себе учеников. Подойдя к ним в окружении свиты, тот скользнул пронизательным взглядом по лицам детей, остановил его на Ван Чжи, а после и произнес ту самую фразу.

“Ты из тех, кто ненавидит оставаться в тени”.

Ван Чжи растерялся: он был слишком мал и до прибытия в столицу даже мандаринского диалекта не знал. Если бы не занялся интенсивным его изучением сразу после входа во дворец, скорее всего, даже не понял бы, о чем тот говорит.

Слова-то понял, а вот смысл сказанного – нет, а потому продолжал растерянно хлопать на великого евнуха ресницами.

— Я вижу честолюбие в твоих глазах, – вновь проговорил тот.

Ван Чжи по-прежнему выглядел сбитым с толку.

Вернее, он понял, что тот имеет в виду, но предпочел сделать вид, будто нет.

Его семью постигло несчастье, а народ потерпел поражение. Долгое путешествие из Гуанси в столицу многому его научило.

Например, как скрывать мысли.

Когда следует вовремя прикинуться дурачком.

Или почему вести себя следует сдержанно.

Великий евнух лишь улыбнулся и, указав на Ван Чжи и еще нескольких детей, бросил служащему, отвечавшему за их размещение: “Этих”.

Служащий поклонился и увел выбранных детей.

Следующие несколько месяцев человека, что разговаривал с Ван Чжи, они не встречали.

Позже Ван Чжи узнал, что то был Лян Фан, великий евнух и держатель печати Управления Церемоний.

Так называемые “держатели печати” не имели при себе никаких печатей, но носили красные шелковые одежды и помогали императору изучать прошения.

Бóльших объяснений не требовалось: одного этого было достаточно, чтобы представить, какой

властью обладал держатель печати.

Ван Чжи вспомнил, что тот, окруженный свитой, словно облаками, выглядел величественнее любого важного чиновника из когда-либо им встреченных.

“Смогу ли я в будущем стать кем-то вроде него?”

Коли уж его сделали евнухом, он должен быть самым что ни на есть могущественным евнухом из всех.

Великий муж при жизни значителен и талантлив, а умирает как настоящий герой.

Дни во Внутреннем Книжном Зале пролетали незаметно. От природы смысленый, Ван Чжи учился быстрее прочих, умел подмечать грязь и тьму дворца, и знал, что ветер валит самое высокое дерево. По натуре высокомерный, он был вынужден сдерживать себя и проявлять послушание, за что неоднократно удостоивался похвалы наставника Внутреннего Книжного Зала. Однако этого было недостаточно, чтобы вызвать всеобщую зависть.

Внутренний Книжный Зал был создан специально для обучения дворцовых евнухов. Здесь они учились читать, писать, изучали Четверокнижие и Пятикнижие, а также зубрили толкования конфуцианской классики и древние документы. Ван Чжи слышал, что с момента основания Внутреннего Книжного Зала все более-менее известные евнухи династии неизменно были в нем лучшими.

Двор желал обучить евнухов этим знаниям не затем, чтобы те занимались наукой и сдавали императорские экзамены, а затем, чтобы, познав принципы конфуцианства, те стали преданными и надежными людьми.

Помимо изучения литературы и наук, некоторые избранные дети обучались во Внутреннем Книжном Зале боевым искусствам. Ван Чжи был одним из них. Боевым искусствам их обучала либо дворцовая стража, либо другие старшие евнухи. Время от времени, чтобы дать советы самым сильным и смысленым приходил и евнух Лян. И чаще всего поучения от него получал Ван Чжи: тот, казалось, видел в Ван Чжи потенциал и даже практически взял его к себе в ученики. Однако прогресс Ван Чжи оказался не настолько быстрым, как рассчитывал Лян Фан, и интерес последнего к тому иссяк. Вскоре он и думать о Ван Чжи забыл.

Именно в это время Ван Чжи услышал о человеке по имени Чжэн Хэ.

Изначальной фамилией Чжэн Хэ было не “Чжэн”, а “Ма”, и по национальности он был не ханьцем, а хуэем. После войны его доставили в Нанкин, а там, волею судеб, приставили к особняку императора Юнлэ, который в то время был еще принцем Янь. Верно следуя за императором Юнлэ во время сражений, он завоевал его доверие, получил имя “Чжэн Хэ”, а вместе с ним и приказ отправиться в плавание на запад. Семь раз пересекши синие волны, своим умом он привлек ко Двору династии множество народов – события эти до сих пор не получили однозначной оценки.

Схожее происхождение! Схожая судьба!

Ван Чжи тоже был представителем другой национальности, и тоже вошел во дворец против

своей воли. Разница между ними заключалась в том, что великий евнух Трех Драгоценностей был известен и именит, приключения его были необычайны: с ним не то что простой народ, даже не всякий ученый сравнился бы!

В сердце Ван Чжи поселилась заветная мечта.

“Может, однажды и я смогу стать таким?”

Тяжело ли быть евнухом?

Конечно, не сладко.

Изувеченное тело, жизненная необходимость уметь читать лица людей, вечные интриги во внутренних покоях дворца и ежедневная угроза смерти... Каким бы не по годам развитым и выносливым ни был Ван Чжи, глубоко в душе его жил страх. Один и тот же сон о путешествии в столицу не давал ему спать по ночам.

В глазах некоторых чиновников, входивших во дворец по долгу службы, Ван Чжи видел нескрываемое презрение, будто евнухи были лишь пылью под ногами этих чистых господ.

Все евнухи и служанки во дворце были рабами.

Рабы, рабы... Рабы на всю жизнь. Они этого не выбирали – неужели и изменить ничего не выйдет?

Нет, он ни за что не смирится.

Если не смог выбрать свой путь, то должен достигнуть Небес по тому, что есть.

Одержимый этой идеей, Ван Чжи учился еще усерднее. Там, где другие выкладывались на пять, он прилагал усилия на семь, восемь и даже девять из десяти.

Год спустя, благодаря высокой успеваемости во Внутреннем Книжном Зале, Ван Чжи был назначен во дворец Процветающей Добродетели, то есть благородной наложнице Вань в услужение.

Своими сладкими речами, а также усердием и исполнительностью он быстро завоевал доверие и расположение наложницы.

Благородная наложница Вань полагала, что молодой, талантливый и красноречивый евнух мог бы стать ее доверенным.

За время пребывания во дворце Процветающей Добродетели Ван Чжи многое повидал и многому научился.

А также привлек внимание императора Чэнхуа. На крыше любимого дома и ворона мила, так что на императора Чэнхуа Ван Чжи тоже произвел огромное впечатление.

Но Ван Чжи стремился не к этому.

Возможно, другие на его месте, заполучив благосклонность благородной наложницы Вань и заняв первое место среди слуг дворца Процветающей Добродетели, были бы счастливы. Но не Ван Чжи.

Его целью с самого начала была не благородная наложница, и даже не император.

“Великий евнух дворца Процветающей Добродетели? Держатель печати Управления Церемониями? Пф!

Я займу еще более высокое положение и заполучу еще больше власти. Как великий евнух Трех Драгоценностей, легендарный, непревзойденный и несравненный!

О такой жизни я мечтаю!”

И вскоре такая возможность ему представилась.

Дело о демоне лисе повергло Двор в панику. Императору сон не шел: постоянно снилось, будто за ним кто-то следит. Восточная Ограда с Императорской Стражей не смогли поймать зачинщика, за что неоднократно получали выговор от императора.

В этот самый момент Ван Чжи сделал свой ход и попросил императора издать соответствующий указ, пообещав, что сможет решить этот вопрос.

Немного посомневавшись, император все же позволил ему свободно покидать дворец.

Ван Чжи его не подвел и справился со всем безупречно, даже даосского демона Ли Цзылуна поймал, вместе с другими заговорщиками, в число которых входили люди как из дворца, так и из-за его пределов. Воспользовавшись тем, что впечатление о Восточной Ограде у императора оказалось испорчено, Ван Чжи основал Западную Ограду и на несколько последующих лет стал у нее во главе.

Вкус власти вкупе со стремительным и красивым восхождением на вершину в столь юном возрасте вскружили бы голову любому, даже самому проникательному человеку, вроде Ван Чжи. Потеряв чувство меры, он стремился расширить Западную Ограду, из-за чего нарвался на шквал критики. Настороженно к Западной Ограде относились не только гражданские чиновники: глава Восточной Ограды Шан Мин тоже не был рад делить с ним власть и принялся плести интриги. Даже отношение императора с благородной наложницей, которые прежде его поддерживали, постепенно начало меняться.

Ван Чжи понимал, что остался совсем один и помощи ждать неоткуда.

Сила его до сих пор казалась огромной, а мощь поразительной. На улицах прохожие, услышав: “Западная Ограда”, - пугались больше, чем слов про Восточную.

Все это было плодом его упорного труда, но плод этот созрел слишком быстро, из-за чего готов был вот-вот упасть на землю и сгнить.

“Я поторопился, действовал слишком быстро”, - думал Ван Чжи, маясь от головной боли.

Он был умен, но в игре этой ему не хватало опытного советчика, а необдуманные действия могли привести к краху.

Такой конец ждал почти всех стоявших у власти евнухов, но Ван Чжи себе такого не желал.

Однако Небеса милостивы и всегда дают человеку второй шанс. Как раз в тот момент, когда Ван Чжи почти отчаялся, судьба послала ему одного человека.

Тан Фаня, магистрата префектуры Шуньтянь шестого ранга.

Должность того была слишком неприметной, чтобы иметь хоть какую-то власть в столице, но слова Пань Биня заставили Ван Чжи заинтересоваться этим маленьким человеком.

Дабы помочь Пань Биню, Тан Фань подал через того Ван Чжи две идеи.

Во-первых, покинуть лагерь благородной наложницы Вань и перейти на сторону наследного принца.

И, во-вторых, бросить все и отправиться на границу совершать военные подвиги.

Поначалу идеи эти Ван Чжи не понравились, и он не воспринял их всерьез, однако затем ряд событий доказал правоту Тан Фаня.

Присмотревшись повнимательнее, Ван Чжи обнаружил, что этот Тан Жуньцин, пусть должность занимал и невысокую, на самом деле был удивительным и талантливым человеком.

Одни только раскрытые им дела чего стоили!

Ван Чжи понял, что, возможно, недооценил Тан Фаня, а потому намеренно или нет сблизился с ним и даже подружился.

Прежде он и подумать не мог, что ему понадобится друг.

А еще Ван Чжи был вынужден признать, что поначалу сблизился с Тан Жуньцином с совершенно иным умыслом, и тот, с его-то проницательностью, наверняка прекрасно это понимал.

Однако Тан Фань был не против и даже не раз помог Ван Чжи советом в тяжелую минуту, начиная с дела о торговле детьми в столице и заканчивая их совместной стратегией в Вэйнин Хайцзы. Ненамеренно посаженная ива дает больше тени: эти двое, сближаясь все больше и больше, наконец стали, пусть и не друзьями, но закадычными приятелями, которые могли доверять друг другу безоговорочно.

Истинный благородный муж, общаясь с настоящим злодеем, кажется, всегда остается в проигрыше. Именно поэтому Тан Фань, зная, что им с Ван Чжи не по пути, но при этом понимая, что у того, в отличие от злодея Шан Мина, есть хоть какие-то принципы, ни капли не сомневался, когда давал тому советы.

Так, сами того не осознавая, эти двое столько лет продолжали поддерживать общение.

Войдя в силу и став таким же знаменитым, как великий евнух Трех Драгоценностей, которым он всегда восхищался, Ван Чжи понял, что, кажется, полностью отклонился от первоначального курса.

Прежде он просто желал заставить всех, кто когда-либо смотрел на него свысока, ползать перед ним на коленях.

Однако то, чего он добился, превосходило все его ожидания.

Кто знает, возможно, лет через сто, упоминая Ван Чжи, люди, вместо того чтобы поставить его в один ряд с Шан Мином и Лян Фаном, которые только и могли, что плести интриги и бороться за власть, назовут его великим человеком своего времени.

Остается надеяться, что сделанного окажется достаточно.

— Старейшина*, министр Тан скоро возвращается в Цзяннань. Нам следует подготовиться к его прибытию? – запыхавшись спросил подбежавший к нему молодой евнух.

— К чему готовиться? Он что, на пенсию вышел, чтобы всей толпой чиновников его приветствовать? – закатил глаза Ван Чжи.

— Но... Но министр Тан пользуется прекрасной репутацией среди всех слоев населения. Слышал, граф Дин Ань на этот раз тоже с ним... – пробормотал молодой евнух.

— Этот дубина, должно быть, приехал чтобы опять за чужой счет поесть. Когда придут, доложи мне. Нет нужды изображать из себя невесть что. Хочешь верь, хочешь нет, но выгоды из этого ты никакой не извлечешь, лишь нагоняй получишь!

Ван Чжи усмехнулся. Виски его уже тронула седина, однако фигура и черты лица оставались по-прежнему красивы. С возрастом дерзости на его лице поубавилось, лишь взгляд, острый, слово молния, ничуть не изменился.

Молодой ученик хотел добавить что-то еще, но Ван Чжи нетерпеливо махнул рукой, с недовольством отсылая того прочь.

Пусть только что и выказал раздражение, известие о скором прибытии упомянутого человека заставило его губы расплыться в легкой улыбке.

Под выходящим на запад окном ветер шевелил зеленый бамбук, предвещая визит старого друга.

Год за годом на деревьях распускались цветы.

Послесловие автора:

* - Старейшина - это лишь обращение, используемое молодым евнухом по отношению к Ван Чжи. Оно не означает, что тот стар. Прежде последователи Лян Фана с Шан Мином тоже звали тех старейшинами.

Некоторые читатели вечно просят меня дать командующему Вану пару, мол, ему слишком тяжело. Так же, как и в любовных романах, где героиня вынуждена бороться с невзгодами в одиночку, всем вечно хочется подобрать ей любимого человека. Автор все понимает, но это не тот случай.

У каждого своя жизнь. Когда влюбленные в конце концов остаются вместе, это прекрасно. Взять, к примеру, господина Тана и командира Суя: им суждено было встретиться, их сердца бьются в унисон, и это настоящее благословение. Но не все должны быть такими же, как господин Тан и командир Суй~

Некоторые люди не могут встретить того, кто им понравится, а некоторые считают, что им и не нужна любовь. Они не чувствуют себя одинокими. Как и командующий Ван. Самое главное в жизни для него - карьера. Он не думает о том, что он один. Смотрит свысока на Поднебесную с мыслями: "Я единственный и неповторимый, двигаюсь навстречу своим бескрайним амбициям, путешествую по миру". Таковы его идеалы. Не все стремятся провести жизнь рука об руку с другим человеком.

Если думаешь, что командующий Ван бедный и несчастный, он расхохочется тебе в лицо, а после добавит: "Дубина! Не летним насекомым рассуждать о льде! (метафора недалёковидности, ограниченности)" (...)

Прожить жизнь можно по-разному. Одни счастливы, когда вступают в брак и заводят детей, другие - когда строят успешную карьеру. В этом нет ничего плохого. Взять, к примеру, Сюй Сякэ (путешественник и писатель, 1587-1641 гг.). Во времена династии Мин, где все крутилось вокруг императорских экзаменов, тот решил отправиться в путешествие по Поднебесной. В то время так было не принято. Каждый образ жизни достоин уважения. Нельзя сказать, что кто-то, кто живет так, как ему нравится, несчастней другого, верно?

Примечания переводчика:

Ох и сложная выдалась глава. Все по сто раз переформулировала!

ВЧ *глядя на «идеальную» парочку новельных СуйТанов*: Любовь? На всю жизнь? Нет уж, спасибо!

<http://tl.rulate.ru/book/50212/4302745>